

УДК 930.85

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

КОВАЛЕВ Виталий Владимирович
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Vitaliy V. KOVALEV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Sergei I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINE)
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

1917 ГОД В РОССИИ: КРАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИЛИ ПЕРЕХОД НА НОВУЮ СТАДИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

1917 IN RUSSIA: THE COLLAPSE OF CIVILIZATION OR THE TRANSITION TO A NEW STAGE OF HISTORICAL DEVELOPMENT?

В данной статье предпринимается попытка проанализировать различные альтернативы развития исторического процесса в России, обусловленные причинами революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войной. Авторы рассматривают три основных варианта таких альтернатив. Первый из них представлен в рамках парадигмы стадийного подхода. Он предполагает процесс исторического движения в соответствии принципам «от высшего к низшему», «от простого к сложному». Результатом подобного движения должно быть развитие сообразно логике прогресса. Цели прогрессивного развития анализируются исходя из того расклада политических сил, который сложился накануне и в ходе самого процесса революции 1917 года. Всего на основе применения стадийной методологии выделяются два целевых вектора. Один направлен в сторону либеральных ценностей западной цивилизации, способных, по мнению идеологов этого движения, вывести Россию на уровень развитого индустриального общества с устойчивыми демократическими ценностями. Второй оценен с применением формационного подхода К. Маркса, где в качестве итоговой точки движения цель указана в сторону коммунистического общества. Вторая альтернатива была проанализирована в контексте вероятности распада традиционной российской идентичности, сформировавшейся на основе ценностей православной цивилизации. Сложности изучения второй альтернативы обусловлены убежденностью авторов в том, что 1917 год стал отправной точкой трансформации традиционной российской ментальности, которая в настоящее время находится в стадии возрождения через целенаправленные усилия государственной власти. Реальность реализации на данном этапе второй альтернативы авторами связывается с усилением власти государства, но с одновременным преодолением таких негативных проявлений, как коррупция, бюрократизм, экономический кризис, недоверие к власти. Третья альтер-

This article attempts to analyze different alternatives of historical development in Russia caused by the revolution of 1917 and the ensuing civil war. The authors consider three main options for such alternatives. The first one is presented within the paradigm multi-stage approach. It involves the process of historical movement in accordance with the principles of “lowest to highest”, “from simple to complex”. The result of this movement should be developing according to the logic of progress. The purpose of the progressive development of analyses based on the alignment of political forces that emerged before and during the 1917 revolution. Based on the application of stadial methodology, there are two target vectors. One is directed toward the liberal values of Western civilization, may in the opinion of the ideologues of this movement to bring Russia to the level of a developed industrial society with strong democratic values. The second are estimated using formation approach K. Marx, where as the final point of the movement indicated in the direction of a Communist society. The second alternative was analyzed in the context of the likelihood of the collapse of traditional Russian identity, formed on the basis of the values of Orthodox civilization. Difficulty study the second alternative was due to the belief of the authors that 1917 was the starting point of transformation of the traditional Russian mentality, which currently is in the process of revival through the dedicated effort of the government. The reality of implementation at this stage, the second alternative contacts with the growing power of the state, but at the same time overcoming such negative manifestations of corruption, bureaucracy, the economic crisis, distrust of the government. The third alternative is a deepening of the crisis and the territorial disintegration as a likely not measured, but the low level of its hypothetical probability depends on overcoming the above-mentioned negative tendencies in the modern political management.

тернатива - углубление кризиса и территориальный распад в качестве вероятной не оценивается, но низкая степень ее гипотетической вероятности поставлена в зависимость от преодоления выше отмеченных негативных тенденций в современном политическом управлении.

Ключевые слова: 1917 год, революция, гражданская война, цивилизация, стадия исторического развития, формационный подход, стадийный подход, альтернативы, исторический выбор, смысл истории

Keywords: 1917, revolution, civil war, civilization, stage of historical development, formation approach, multi-stage approach, alternatives, historical choice, meaning of history

Умерла ли российская цивилизация? Данный вопрос можно было бы задать, размышляя о перспективных (желательных) направлениях развития России, ее идентификационных основаниях, ценностных ориентациях, обращенных в будущее. Вопросы такого рода рождаются из стремления осознать смысл истории, выявить закономерности и причинно-следственные связи в историческом процессе, решить, наконец, есть ли у российского народа единая, общая судьба или все мы просто движемся куда-то в силу исторической инерции, живя своими собственными индивидуальными смыслами. Может быть, это движение задается не инерцией, а чьей-то злой волей, которая тоже решает свои личные задачи, но при этом использует людей в качестве подсобного материала, необходимого для запуска на полных оборотах принадлежащей ей государственной машины?

Насколько правомочны эти вопросы в контексте событий, произошедших в нашей стране в 1917 году? Отметим сразу, что их постановку можно считать реакцией, с одной стороны, на стремление многих видных деятелей белоэмигрантского движения объяснить поражение в гражданской войне духовным истощением русского народа, потерей наиболее важных, основополагающих элементов, из которых слагалась российская цивилизация, подпитывалась ее ментальная сила, а с другой стороны, на убежденность их оппонентов в лице главных генераторов народного недовольства, что революция 1917 года и последовавшая за ней победоносная для Красного движения гражданская война вывели Россию на новый уровень исторического развития.

Для нас, живущих уже в XXI веке, спустя сто лет после описываемых событий, ответы на поставленные вопросы нельзя считать отвлеченным, безэмоциональным, незаинтересованным выбором двух альтернатив из предложенной дилеммы. История, случившаяся столетие назад, не театральная постановка, имеющая начало и конец. И выбор здесь вовсе не двойственный. Помимо перехода на новую стадию исторического развития или обретения себя спустя столетие в прежней цивилизационной реальности, превратившейся за семь десятилетий, возможен и третий вариант: мы, фигурально выражаясь, живем в загробном мире. С учетом его не самых притягательных свойств (высокая преступность, коррупция, девальвация нравственных ценностей и т.п.), и отдаленно не напоминающих земной рай, смерть российской цивилизации не привела к коллективному спасению, о котором так много мечтали русские философы. И тогда свершившийся апокалипсис 1917 года приобретает совсем уже мрачные очертания, актуализируя перед нами проблему решения смысла российской истории в постоктябрьский период.

Итак, на развилке смыслов нашего интеллектуального выбора открываются три дороги, избрание которых обнажает целевые векторы развития, указывая на три возможных горизонта процесса российской истории:

- 1) европейские ориентиры выхода на новые стадии развития;
- 2) возвращение к истокам российской традиционности посредством использования принципов консерватизма в качестве средства обретения потерянной в 1917 году цивилизационной идентичности;
- 3) нахождение в затяжном и глубоком социальном кризисе, усиление процессов аномии, распад территориального единства и потеря государственного суверенитета.

Эти три сценария мы и рассмотрим, отталкиваясь от событий российской революции и гражданской войны как двух составных частей русской смуты начала XX века.

Выход на новую стадию развития обычно связывается с европоцентристским пониманием смысла истории. Исторический процесс, протекающий на европейском континенте, рассматривается в качестве образцового и эталонного. Эти свойства раскрываются в контексте принципа единства всемирно-исторического процесса. Считается, что все народы мира проходят или должны проходить в своем развитии примерно одинаковые стадии. Это не просто какие-то этапы, определяемые произвольно, а знаковые точки истории, прохождение которых обуславливается наличием внутренних закономерностей, существующих в истории. Под закономерностью обычно принято понимать неизменность результата при неизменности исходных условий для его достижения. Это означает, что если мы признаем в качестве двигателей исторического процесса группу каких-то факторов, действующих в схожих социокультурных условиях, то рано или поздно исторический процесс выровняется под стандарты того народа (группы народов), который окажется наиболее успешным и быстрым на пути прогресса. Вопрос, следовательно, заключался только в том, какие этапы и факторы их достижения следует воспринимать в роли универсальных маркеров и локомотивов истории. Разными европейскими мыслителями данная проблема решалась по-своему.

Ж. Кондорсе был первым идеологом теории прогресса. По нему, смысл истории состоит в том, чтобы прийти к обществу, где сформируются максимальные условия для развития человеческой личности. Для этого по мере развития необходимо преодолеть отрицательное воздействие ряда факторов - невежества, предрассудков, религии, деспотизма, что даст возможность освободить сознание от «пережитков прошлого» и научиться мыслить рационально. Всю историю он разделил на 10 этапов, последним из которых должно стать «царство разума» [5]. О. Конт видел движение прогресса в последовательной смене трех стадий общественного развития: теологической, метафизической, позитивной [6]. На последней стадии возобладают научные принципы мышления и общество освободится от социальных несправедливостей и противоречий. В схожей парадигме мыслил Г. Спенсер. Социолог был убежден, что социальные процессы протекают в рамках так называемой естественной причинности, то есть законов, действующих независимо от воли людей. Из этого Г. Спенсер заключал, что все мировое развитие в социальном плане находится под воздействием единых закономерностей, все общества проходят одинаковые стадии, но одни из них - раньше, другие - позже. Переход от стадии к стадии ученый объясняет на основе разработанных им закономерностей: 1) всем обществам свойственна внутренняя тенденция к росту; 2) развитие есть следствие простого умножения единиц; 3) в основе развития имеет место простое уплотнение единиц целого; 4) рост есть возрастание сложности строения; 5) дифференциация структуры приводит к специализации функций; 6) на высших формах эволюции общество приобретает свойства организма [14]. Другой основоположник социологии, Э. Дюркгейм, видел проявление прогресса в переходе от принципов механической к принципам органической солидарности, на этапе которой возможно проведение социальных реформ политического, экономического, духовного характера, чтобы создать общество на началах разума и справедливости [1].

Перечисленные концепции занимают важное место в истории науки. Однако наибольшую роль в презентации идеи стадияльного развития сыграли две теории: формационная К. Маркса и стадияльная Э. Тоффлера.

К. Маркс является автором теории последовательно сменяющихся друг друга в историческом развитии общественно-экономических формаций. Если кратко, то смысл истории по К. Марксу состоит в развитии общества по спирали от первобытного коммунизма к научному коммунизму через преодоление всегда на более высоком уровне негативного наследия трех классовых формаций: рабовладельческой, феодальной и буржуазной. Внешне история проявляется в борьбе классов, а внутренне - в антагонизмах между производственными силами и производственными отношениями. Рост первых вызывает изменения во вторых, выводя отношения между классами на пик антагонизма. Разрешение этих противоречий осуществляется через революцию. И отнюдь неслучайно К. Марксу принадлежит крылатое выражение, что «насилие есть повивальная бабка истории».

Вершина исторического процесса, на которой сама история заканчивается, есть высокотехнологическое коммунистическое общество, где отсутствуют государство, деньги, эксплуатация, частная собственность [10].

Э. Тоффлер предложил иное понимание стадий исторического развития, хотя концептуально оно также находилось в рамках идеи европоцентризма, то есть теоретически ориентировалось на те исторические процессы, которые протекали и протекают сейчас преимущественно на европейском континенте. По Э. Тоффлеру, общество проходит в своем развитии три основные стадии: аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Аграрная стадия характеризуется коллективными формами труда, земля выступает главной ценностью, политические отношения не отделены от экономических и релевантно выстраиваются сообразно тому, кто каким объемом земли обладает. В сознании доминируют религиозные ценности, коллективизм, традиционализм. На индустриальной стадии появляется разделение труда, машинное производство, корпоративизм, идея политической свободы, урбанизация, массовое образование, десакрализация традиций, секуляризация, общество потребления. Для постиндустриальной стадии характерны переход к автоматизации производства, компьютеризации, информатизации (информация - основной ресурс), массовому индивидуализму, размыванию классовой структуры, потребительству как смыслу жизни, сакрализации политических ценностей [15].

Мы сделали специальный акцент на идеях К. Маркса и Э. Тоффлера отнюдь не случайно. Концепции данных ученых - это не просто научно обоснованные идеи, а одновременно, еще и политические доктрины, способные влиять на социально-политические процессы в тех странах, значительная часть населения которых готова воспринимать их в виде идеологического оружия. Так, именно идеи К. Маркса во многом выступили в роли политического генератора недовольства народных масс, получивших четкую убежденность в том, что революция 1917 г. является благом и во имя каких целей она реализуется.

Проще всего нам сейчас разобраться с целями. Отстранение Николая II от власти было инициировано частью либеральной интеллигенции (М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, А.И. Гучков и др.), имевшей влияние на политические отношения в стране через институты Государственной Думы, политические партии и армию, руководители которой (А.А. Брусилов, Н.В. Рузский, А.Е. Эверт, А.И. Непенин, В.В. Сахаров) единым фронтом выступили за отречение царя от престола. Политический истеблишмент России того периода не был единодушен в своих желаниях, но нельзя не принимать во внимание, что его значительная часть была настроена на проведение реформ. Кто-то, как, например, лидеры кадетской партии, октябристов, прогрессистов, требовали преобразований еще в годы первой русской революции. Другие присоединились к этим требованиям из-за боязни развития беспорядков в Петербурге, представлявшем собой в то время бурлящий котел народного недовольства с неясными дальнейшими перспективами в плане того, как долго это продлится, что будут требовать лидеры радикальных политических партий (эсеров и социал-демократов) и насколько далеко готовы пойти массы в реализации своего разрушительного потенциала. В конечном итоге большая часть более-менее сходилась в согласии, что реформы должны быть проведены по всем общественным сферам: аграрные (отдать землю крестьянам), социальные (улучшить положение рабочего класса), политические (введение конституционной монархии или республики, свободные выборы, отказ от цензуры, право на демонстрации и т.д.). Глубина и ширина согласия на реформы варьировалась в зависимости от политических ориентаций, но убежденность в их необходимости оспаривалась сравнительно небольшой группой консерваторов-монархистов, которая на тот политический момент была практически не слышна в общем шуме толпы, громко требовавшей преобразований. Русские традиционалисты проявят себя уже в годы гражданской войны, чем в немалой степени послужат делу победы большевиков, так как неискушенные в политике обыватели окажутся неспособными отделить их от общего потока Белого движения, что сильно дискредитирует его в глазах сторонников преобразований или, иными словами, противников монархической реставрации [13].

Таким образом, первая половина 1917 года протекала под лозунгами буржуазно-демократической революции. Если применять к этим процессам заявленную нами схему, то окажется, что на начальном этапе русской смуты наиболее активная часть российского общества была ориентирована на очередное форсированное (ускоренное) вхождение в русло общеевропейского исторического процесса. Так уже было однажды в истории, когда при Петре I состоялась радикальная модернизация, имевшая цель обеспечить законное место нашей стране в общеевропейском доме. Петр I и его сторонники считали, что если Россия и обладает какими-то особенностями в сравнении с Европой, то едва ли с ними следует считаться, так как они прежде всего символизируют ее культурную отсталость, а не некую цивилизационную инаковость, основанную на принципиально других культурных основаниях [2]. Но это был самый обычный утилитарный подход, обусловленный пониманием, что в Западной Европе есть более высокоразвитые технологии и более рациональные формы организации государства, армии, церкви. Именно такое отношение выступило решающим фактором борьбы Петра I с российской «отсталостью» [4].

В 1917 году все было качественно иначе. Реформы были подготовлены идеологически. Они долгое время вызревали. Их проведение подпитывалось наличием образованного слоя людей, мыслившего и говорившего по европейски, постоянным ростом числа недовольных среди беднейших слоев населения, противоречиями внутри самой правящей династии. Общим с петровским временем была, пожалуй, убежденность как тогда, так и сейчас, что Россия находится в состоянии отсталости от Западной Европы и реформы, следовательно, необходимы для того, чтобы преодолеть ее ускоренными темпами. Российская империя в 1917 году воспринималась как часть Европы, но та часть, которая отстала по ряду позиций от ведущих западноевропейских государств. Чтобы преодолеть эту отсталость, ставилась цель изменить облик политических учреждений, дать политические свободы народу, обеспечить достойные условия для жизни, возможность получения образования, медицинской и социальной помощи. Все это объективно вело бы к развитию тех признаков, которые Э. Тоффлер описывал на примере индустриальной стадии развития общества. Россия стадияльно находилась на одной позиции с Европой индустриальной, но степень индустриализации у последней была выше. Именно это следовало исправить в процессе революции.

В своей радикальной части наиболее громким был голос российских марксистов: меньшевиков и большевиков. Первые не планировали в своих требованиях выходить за пределы реформ, задаваемых логикой буржуазно-демократической революции. По их мнению, производственные силы капитализма в России еще не настолько сильно окрепли, чтобы породить производственные отношения, достаточные и необходимые для перехода к строительству коммунистического общества. Поэтому они мыслили ограничиться теми преобразованиями, которые должны были улучшить материальное положение рабочего класса и облегчить его условия труда. Понять эту позицию с точки зрения стадияльно-формационной теории Маркса несложно. В самом деле, подавляющее большинство населения России в 1917 году состояло из крестьянской массы. Крестьянство же как класс являлось в марксистских теоретических построениях частью производственных отношений, типичных для феодальной формации. Ничего о возможности «прыгнуть» из феодализма в коммунизм Маркс не писал. Поэтому логично было предположить, что России потребуются еще пройти некоторый исторический отрезок форсированного развития капитализма, который страна пройдет тем быстрее, чем последовательно будут осуществляться буржуазные реформы. В связи с этим, меньшевики представляли собой политическую силу, наиболее энергично отстаивавшую необходимость закрепить и удерживать завоевания первого этапа революции 1917 года без каких-либо намеков на построение коммунизма в рекордно короткие сроки и уж тем более не быстрее, чем это сможет произойти в наиболее развитых странах Западной Европы.

На этих же позициях первоначально стояли и большевики. Однако логика развития революции, которая диктовалась не в последнюю очередь одновременным с революционными процессами участием страны в мировой войне, ставшей для общества непосиль-

ным бременем, породила из-за всеобщего недовольства деятельностью Временного правительства возможность захвата политической власти партией большевиков. Этот соблазн отдельным ее представителям показался слишком велик, чтобы пренебречь им, и партия взяла курс на подготовку государственного переворота [12].

Ради обоснования такого шага В.И. Ленину, главному инициатору этого процесса, пришлось внести некоторые коррективы в марксистскую теорию социальных революций [8]. Лидеру большевиков было понятно не меньше, чем представителям меньшевизма, что в России не созрели социально-экономические условия для перехода на новую стадию исторического развития, то есть к коммунистической формации. Однако он был убежден, что российская революция может выполнить функцию фитиля, поднесенного под западноевропейскую буржуазию, и это оценивалось как уникальный исторический шанс. Ни у кого не было в планах строить коммунизм в отдельной взятой стране. Нет ни одной работы В.И. Ленина, написанной в дооктябрьский период, где бы даже допускалась мысль о том, что коммунизм возможен в виде локального явления. Такое противоречило бы принципу единства всемирно-исторического процесса, на котором зиждется вся стадильная парадигма мышления, а К. Маркс и его последователь В.И. Ленин иной просто не знали. Да и политически это считалось невозможным. Поэтому «Октябрь 1917 года» замыслился в качестве примера, сигнала более передовому рабочему классу из Западной Европы и Америки, который должен был ответить на призыв пролетариев из России и совершить коммунистическую революцию в своей стране, а затем прийти к ним на помощь, чтобы своими новейшими технологиями помочь построить передовое коммунистическое общество в России [11]. Отчаянная борьба большевиков в годы гражданской войны за удержание власти над страной сопровождалась ожиданиями и надеждами на «пожар мировой революции». Но от искры пламя не возгорелось, локальный пожар в некоторых землях Германии (Баварии, Бремене, Эльзасе) потушили, а дальше капитализм спокойно продолжил развиваться, принимая такие формы, о которых ни В.И. Ленин, ни К. Маркс даже не подозревали. Россия же со своими мечтами о коммунизме на несколько десятилетий осталась в одиночестве, готовясь к новой мировой войне, ради которой была совершена коллективизация и проведена ускоренная, но, главное, однобокая индустриализация с перекосом на тяжелую индустрию [7].

Итак, в целевом плане события 1917 года имели две направленности. Одна группа политических сил - кадеты, октябристы, прогрессисты, меньшевики - возлагали на революцию надежду ускоренным путем догнать Запад на стадии индустриального общества, будучи уверенными в том, что Россия лишь слегка отстает от него на векторе всемирно-исторического процесса, развивающегося по закону развития от простого к сложному, от низшего к высшему. Другая политическая группировка - большевики - на векторе стадильного развития в 1917 году ставили не индустриальное общество с ценностями либерализма и технического прогресса, а коммунистическую формацию. Они полагали, что в Западной Европе капитализм как общественно-экономическая система себя исчерпал, готов уступить свое место более прогрессивному коммунизму, чем Россия может воспользоваться в силу своей близости к Европе, наличию компонентов развитой индустриальной системы и более-менее сплоченного из-за своей концентрации в столицах рабочего класса [9].

Политические карты этих двух группировок, преследовавших обозначенные цели, оказались смешанными в годы гражданской войны. Оппоненты большевиков не смогли наладить совместную борьбу, так как терзались взаимным недоверием друг к другу [3]. Действительно, в Белом движении вперемешку с либерально настроенными республиканцами и сторонниками конституционной монархии (не говоря уже о социал-демократах) против большевиков воевали последовательные монархисты, то есть сторонники возрождения самодержавия в его исконном до 1905 года виде. В итоге большевики смогли разбить их всех по отдельности, и мечты о построении либерально-демократического общества в России пришлось отложить до 90-х годов XX века, когда они снова возродились, подпитываясь надеждами на политическую свободу, материальное благополучие и право свободно распоряжаться своей собственностью, возможности

чего Европа уже несколько десятилетий успешно демонстрировала, что стало очевидным для подавляющего большинства населения СССР после распада железного занавеса.

(Окончание в следующем номере)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - М.: Канон, 1996.
2. Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. - 2017. - № 1.
3. Ильин И.В. Год глобальных юбилеев // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. - 2017. - № 1.
4. Касьянов В.В. История культуры. - М.: Юрайт, 2016.
5. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины человеческого разума. - М.: Либроком, 2011.
6. Конт О. Общий обзор позитивизма / Пер. с франц. И.А. Шапиро. Под ред. Э.Л. Радлова. - Изд. 2-е. - М.: Либроком, 2011.
7. Лавренов С.Я., Бритвин Н.И. Февральская революция 1917 года: причины и движущие силы // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2017. - № 3.
8. Марченя П.П. Октябрь 1917 года как узловая проблема современного руссиеведения // История в подробностях. - 2010. - № 4.
9. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. - 2013. - № 2.
10. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. - Пермь: ПГНИУ, 2015.
11. Новоселова Д.И. Предпосылки Октябрьской революции 1917 года в России // Теория и практика современной науки. - 2016. - № 10.
12. Петров Ю. 1917-2017: уроки ста минувших лет // Государственная служба. - 2017. - № 1.
13. Самыгин С.И., Самыгин П.С., Шевелев В.Н. История. - М.: КноРус, 2017.
14. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. - М.; Челябинск: Социум, 2014.
15. Тоффлер Э. Третья волна. - М.: АСТ, 2004.

REFERENCES

1. Durkheim E. O rasdelenii obschestvennogo truda. [On dividing of social labor]. Moscow: Kanon, 1996. (in Russian)
2. Zubkov K.I. Absolutism i modernizacia: k ocenke Petrovskih vremen nachala XVIII veka. [Absolutism and modernization: the assessment of the Petrine reforms of the early XVIII century]. Vestnik gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the University for the Humanities. 2017. No.1. (in Russian)
3. Il'in I.V. God globalnyh ubileev. [global anniversaries]. Buleten Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 27: global studies and geopolitics. 2017. No.1. (in Russian)
4. Kasyanov V. V. Istoria kultury. [History of culture]. M.: Yurayt, 2016. (in Russian)
5. Condorcet J. Eskis istoricheskoy kartiny chelovecheskogo razuma. [A sketch of the historical picture of the human mind]. Moscow: Librokom, 2011. (in Russian)
6. Kont O. Obchiy obzor pozitivizma. [An overview of the positivism]. M.: Librokom, 2011. (in Russian)
7. Lavrenov S.Y., Britvin N.I. Fevral'skaya revolyucia 1917 goda: prichiny i dvizhushie sily. [The February revolution of 1917: causes and driving forces]. Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel - Observer = Scientific-analytical journal Obozrevatel - Observer. 2017. No.3. (in Russian)
8. Marchenya P.P. Octaybr 1917 kak uzlovay problema sovremennogo rossievedenia. [October 1917 as the key problem of contemporary Russian studies]. Istoria v detaliah = History in detail. 2010. No.4. (in Russian)
9. Mironov B.N. Russkai revolyucia 1917 goda v kontekste teoriy revolyucii. [The Russian revolution of 1917 in the context of theories of revolution]. Obschestvennye nauki i sovremennost = Public Sciences and modernity. 2013. No.2. (in Russian)

10. Musayelyan L.A. Nauchnai teoria istoricheskogo processa: stanovlenie i suschnost. [Scientific theory of historical process: the formation and essence]. Perm: PGNIU, 2015. (in Russian)
11. Novoselov D.I. Predposylki Oktiabrskoy revoliucia 1917 goda v Rossii. [Preconditions of the October revolution of 1917 in Russia]. Teoria i praktika sovremennoy nauki = Theory and practice of modern science. 2016. No.10. (in Russian)
12. Petrov Yu. 1917-2017: Uroki sta minuvshih let. [1917-2017: lessons of the past one hundred years]. Gosudarstvennaya sluzhba = The civil service. 2017. No.1. (in Russian)
13. Samygin S.I., Samygin P.S., Shevelev V.N. Istoria. [History]. M.: KnoRus, 2017. (in Russian)
14. Spencer G. Politicheskie sochinenia. [Political essays]. Moscow, Chelyabinsk: Socium, 2014. (in Russian)
15. Toffler A. Tretia volna. [The Third wave]. Moscow: AST, 2004. (in Russian)

Информация об авторах:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Получена: 03.09.2017

Для цитирования: Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития?. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 1. с.22-29.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29.

Information about the authors:

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINE), Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

Received:

For citation: Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? *Historical and Social Educational Idea*. 2017. Vol. 9. no.5 Part. 1. Pp. 22-29.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29. (in Russian)